

Алтайский государственный педагогический университет
Лаборатория исторического краеведения
Павлодарский государственный педагогический университет
Алтайский государственный краеведческий музей

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае

(археология, этнография,
устная история и музееведение)

2018 г.

Выпуск 14

Материалы XIV международной
научно-практической конференции
Барнаул, 22–23 мая 2019 г.

*Под редакцией
М. А. Демина, Т. К. Щегловой,
Н. С. Грибановой*

Барнаул
2019

Редакционная коллегия:
проф., д-р ист. наук М. А. Демин;
проф., д-р ист. наук Т. К. Щеглова;
канд. ист. наук Н. С. Грибанова

- П49 Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2018 г. : Вып. 14: материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 22–23 мая 2019 г. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой, Н. С. Грибановой. — Барнаул: АлтГПУ, 2019. — 392 с.

ISBN 978-5-88210-947-8

В сборнике публикуются материалы XIV международной научно-практической конференции. В издании представлены результаты исследований научных, образовательных, музейных и других центров в области археологии, устной истории, этнографии и музееведения на территории юга Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана.

Сборник рассчитан на специалистов в области археологии, истории, этнографии, музееведения, краеведов, студентов и всех интересующихся региональной историей и культурой.

13. РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 70. Отчет печатный Куломзина Анатолия Николаевича Николаю II о поездке в Сибирь для ознакомления с переселенческим делом. 24.10.1896.
14. РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 201. Куломзин А. Н. Мемуары А. Н. Куломзина «Пережитое». Моя первая поездка по Сибири. Т. II. Ч. VII. Ч. I.
15. Щеглова Т. К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции. Барнаул: АлтГПУ, 2018. 508 с.
16. Щеглова Т. К. Культура славянских сообществ Сибири в XX веке: новые подходы и перспективы в научно-исследовательском проекте «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3. С. 40–49.

Т. К. Щеглова

Чистюньский лагерь (Чистюньлаг) в 1940–1950-е гг.: мифы и реальность в коллективной исторической памяти сельского населения (по материалам Топчихинской историко-этнографической экспедиции 2018 г.)*

В статье анализируется историческая память о Чистюньском лагере сельскохозяйственного назначения на основе материалов интервью респондентов, бывших детьми из окружающих сел. Особенностью этих воспоминаний является сопоставление лагерных и сельских поселений, их социокультурно-бытовой базы. Рассматриваются взаимоотношения колхозно-совхозного и лагерного общества. Через восприятие детей затрагиваются вопросы мировоззрения сельского населения и особенностей социально-культурного развития сельского общества на Алтае в 1940–1950-е гг. **Ключевые слова:** *Сиблаг, лагпункт сельскохозяйственного назначения, заключенные, сельское население, историческая память, эмпирический опыт, образы, оценки*

Спецификой исторического прошлого Топчихинского района являлось включение его территории в существовавшую в 1920–1950-е гг. лагерную систему исправительно-трудовых пунктов разного профиля — промышленного, сельскохозяйственного и др. Одной из целей историко-этнографической экспедиции 2018 г. являлось изучение исторической памяти сельских жителей о существовании Чистюньского сель-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX — начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края» (рук. — д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова).

скохозяйственного лагеря*. Работы по Чистюньскому отдельному лагерному пункту (ОЛП) Сиблага велись в трех поселках бывших лагерных территорий — Топольном, Садовом, Кировском, в самой Чистюньке, а также в окрестных селах, где в сельскохозяйственное производство вовлекались заключенные.

Основными источниками являются материалы устной истории, созданные методом интервьюирования очевидцев**. Особенность изучения этой темы в период экспедиции 2019 г. (спустя более полувека после рассматриваемых событий) обусловлена составом респондентов: это жители окрестных сел, которые наблюдали за жизнью лагеря, будучи детьми. Бывших заключенных лагеря, так же как представителей администрации и воинских охранных команд, в экспедиции выявлено не было, за исключением родственников бывших сотрудников из офицерского состава (эти респонденты тогда тоже были детьми). Кроме того, корпус источников, созданных на основе интервью, относится ко времени, когда в силу сельскохозяйственной специализации и ослабления репрессивной политики государства жизнь в лагере упорядочилась с ослаблением внутреннего распорядка.

Именно поэтому и промежуточные выводы касаются прежде всего формирования представлений и образов лагерного общества той категории свидетелей, которые были детьми окрестных сельских обществ. Но они не только непосредственно наблюдали жизнь заключенных, но и вступали в контакты с ними. Это позволяет увидеть новые контексты в «заполитизированной» и в прошлом, и в настоящем исторической проблеме: мировоззрение и социально-культурный уровень сельского населения, интеллигенция и сельское население, взаимодействие сельского населения и лагерного общества, повседневность и быт и др. Особый интерес представляет сопоставление позиционируемых научных выводов современной региональной историографии и обыденные представления очевидцев, сформированные жизненным опытом в повседневной жизни.

---

* Сиблаг (Западная и Центральная Сибирь) являлся экономической зоной ГУЛАГа. Возник в 1931 г. на базе колоний реорганизованного СибУЛОНа. Центр сначала был в Мариинске, затем в Новосибирске.

** Большую работу, в том числе с использованием опросных технологий, проводит известный краевед С. В. Поздин, который создал в краеведческом музее Топчихи экспозицию, занимающую отдельную комнату: фото лагеря, его заключенных и сотрудников лагеря, схемы размещения объектов, которые ему удалось восстановить. К сожалению, в его исследованиях, также как в целом в краеведческой работе, в отличие от устной истории, не придается значение научно-методическим принципам создания и оформления источникового материала, полученного в ходе бесед и опросов.

Корпус материалов интервью очевидцев обладает достоверностью и источниковым потенциалом. Во-первых, в силу особенности функционирования сельскохозяйственных принудительно-исправительных лагерей, которая состояла в непосредственном общении сельчан и заключенных. Последние использовались не только в лагерном хозяйстве^{***}. Заключенных привлекали в том числе на сельскохозяйственные работы соседних колхозов и совхозов, использовали их транспортные возможности (привоз воды, доставка людей на поля, детей в школы и т. д.), рабочую силу. Особенно тесные контакты сложились в годы войны (1941–1945), когда вследствие мобилизации совхозное сельскохозяйственное производство лишилось работоспособных мужчин, тягло-вой силы и техники.

Во-вторых, достоверность определяется тем, что устные свидетельства сельчан об отдаленном прошлом позволяют анализировать метаморфозы исторической памяти на примере лагерной жизни. Они дают материал для изучения процессов, которые происходят в исторической памяти за определенный промежуток времени. Особенно интересны процессы мифологизации, которые, как показывают авторские исследования, часто сопровождают пролонгацию исторической памяти во времени. Сама по себе мифологизация может служить предметом исследования историков, так как позволяет выявлять культурно-психологические и этнические особенности сельского населения (крестьян). Предварительно можно сказать, что в памяти сельских респондентов зачастую остаются те события и факты, которые являлись для них свидетельствами иной, не крестьянской жизни. В тот период это была городская культура, которая сформировалась в среде творческой интеллигенции, представители которой среди общей массы заключенных больше всего поражали сельских жителей. Она маркировалась другим поведением и светскими «развлечениями»: концертами духового оркестра, оперным пением и др.

В-третьих, именно устные исторические источники позволяют обратиться к тем вопросам, которые остаются за страницами сохранившихся архивных документов. Часто они связаны с повседневностью, отношениями и взаимоотношениями, ролью человеческого фактора в исторических процессах. Материалы устной истории позволяют бо-

---

^{***} По данным исследователей, в 1942 г. Чистюньский отдельный лагерный пункт Сиблага, преобразованный в Чистюньское лагерное отделение УИТЛК по Алтайскому краю, как сельскохозяйственное предприятие имел 27 тыс. га земли, из них 20 тыс. га обрабатываемой пашни, 1716 голов крупного рогатого скота, 2340 голов свиней, 460 лошадей, 2200 голов птицы, пасеку, два фруктовых сада, тепличное хозяйство и опытное поле.

роться не только с идеологемами, стереотипами и образцами «агитпропа», сформировавшимися в прошлой историографии, но и с шаблонами, формируемыми на современном этапе.

Исторические источники, созданные интервьюированием, подтверждают то, о чем автор неоднократно писала: память человека слабо дружит с фактами, более важна оценка, которую интервьюируемые дают тем или иным историческим событиям. Вместе с тем промежуток времени в 50–60 лет, по-видимому, не является критичным для хранения конкретной исторической информации. Как известно, Чистюньский сельскохозяйственный исправительно-трудовой лагерь состоял из 6 лагпунктов, каждый из которых имел охранную систему. Свидетели так описывали внешние атрибуты лагеря: «Лагпунктами управляли, здесь был штаб. Была связь между лагпунктами. Штаб, который находился здесь [пос. Кировский], руководил всеми лагпунктами. Это вот как центральная [усадебная совхоза] у нас. У нас центр, а там отделение. Так и тогда было. Здесь свои функции каждый выполнял. Отделы были». О «стрельцах» (так респонденты называли солдат, несших охрану лагеря) и офицерах говорили, что они «жили в ближайших поселках, а позже перебрались на отдельное место близ отделения. У них была целая улица с квартирами на нескольких человек [4].

Все респонденты в конечном итоге воспроизводят достоверную информацию о сети пунктов Чистюньского лагеря. Достаточно привести два отрывка из интервью. З. И. Радионова: «Вот первое отделение — это был Комендантский... А вот там дальше, там вот где вы, может, ехали, там свинарники вот, коровники [около того места]. Туда, с воды, — это первое отделение было. <...> Второе отделение туда-туда, дальше на бугор, километров семь... Третье отделение — Ключи, вот деревня Ключи, сейчас совхоз и там Ворошиловка, там третье отделение было и седьмое, по-моему. А пятое тут у нас вот тут вот, сейчас Садовый. Пятое отделение. А шестое отделение вот Топольное. Это шестое отделение было вот так. Их семь пунктов (на территории Топчихинского района было шесть пунктов, седьмой находился в Коргоне, Чарышского района). Лагпункт — лагерный пункт тогда. Сейчас — [это]... вот Топольный. Вот это было шестое. Садовый — это вот было пятое отделение... вот Комендантский тут... — это было первое. Второе там дальше, на бугру туда, к Березовке. Ну вот так они и располагались. Только третье отделение далёко. Ключи там. Даже за Ключами третье. Двадцать километров отсюда, третье отделение.... Ну, и на отделениях неплохо было»*.

---

* Исследователи А. И. Кобелев, Н. Д. Потапов, А. С. Чернев, А. Т. Трусов указывали, что отделение включало в себя шесть лагерных пунктов, расположенных на расстоянии 5–25 км от центрального лагпункта — «Комендантска» [7, с. 16].

По устному свидетельству другого респондента, Чистюньское отделение также имело шесть лагерных пунктов на территории современного района: «Тут же лагерь был. Шесть лагпунктов было, наверное. Ну, да, шесть лагпунктов. Лагпункты — это у нас четвертый, третий там первый, второй здесь четвертый, третий, третий, четвертый, потом пятый, шестой. Располагались по участкам. На расстоянии вот примерно здесь двадцать километров, где мы жили. Пятый, вот, рядом буквально. А шестой, вот, пятнадцать километров. Сейчас посёлок Топольный» [1].

Основной направленностью лагерного хозяйства в 1940–1950-е гг. являлись сельскохозяйственные работы, поэтому в населенных пунктах лагеря был построен не только жилой, но и производственный сектор. Его территория напоминала обычное село, которое на первом этапе, как и крестьянские хозяйства, пошагово обустроивались, начиная с доступных строительных материалов и технологий строительства [9, с. 48]: сначала жилищем являлись, как называли их респонденты, «землянки» с использованием дерна и самана, позже строились бараки и срубные дома: «И вот тут стали зону тогда строить... А зону строили опять заключенные... с глины. Вот ямы вырывали, там глина эта. Там месили ногами, делали такие кирпичи большие и строили зону. Бараки строили жилые, даже больница тут была, в зоне. И до самой школы большая была территория. Зона была большая, там барачников много было. И больница там, и мастерская там всякая... И даже стройчасть была, мебель делали, шифоньеры, комоды — всё! И диваны делали заключенные. Ну, на заказ. Заказывали там, сколько платили... Всё здесь было». На территории центрального отделения также были, по устным свидетельствам, столовая, комендатура и клуб.

В памяти респондентов остался факт, который, по-видимому, часто обсуждался в семьях: на территории центрального лагпункта Чистюньского отделения Сиблага существовали две казармы — мужская и женская. Их разделял забор. Общение между мужчинами и женщинами было запрещено. Вокруг этого факта среди сельского населения формировались разные толки и слухи — от романтических историй до беременности женщин и рождения детей.

Историческая память демонстрирует аполитичность местного сельского населения относительно существования самого лагеря и причин заключения его обитателей и в прошлом*, и на современном этапе, когда темы репрессий актуализировались в общественно-политических и научных сферах и их обсуждение в СМИ приобрело пер-

---

* Обычно говорили: «Всякие сидели люди».

манентный характер. В определенной степени это можно объяснить транслируемым из поколения в поколение смирением и терпением, присущими крестьянству в силу его погруженности в процессы жизнеобеспечения. Такое же смирение проявилось и в 1930–1950-е гг., когда, по словам очевидцев, ссылали за каждую провинность: «Ударил быка, который вез сено, а тот захромал; своровал горсть колосков пшеницы; сказал плохое слово на портрет Сталина» и т. д. Галина Алексеевна Арестова рассказывала: «Отправляли в эти лагеря кого пригонят. Направляли сверху там, которые командовали, куда распределить по лагерям. Могли посадить за всё. Тогда же очень много сажали. За кражу, за зерно краденое, за что-то еще. За всё! Какой попадетсЯ. Были политические заключенные. Я маленькая тогда была. Знаю, что они по 58-й статье сидели. Папа [работал в лагере] всё у нас говорил: „Сколько их, не могу сказать...“» [1].

Контент-анализ материалов интервью показывает, что при устойчивом понимании, что «всякие в лагпункте были»*, у населения окрестных сел не было враждебности, а под влиянием переосмысления советской истории в последние десятилетия респонденты провели ревизию памяти, что закрепило представление о несправедливом лишении людей свободы: «Сидели там ни за что. В основном были [отбывали срок] за мелочь. Рядом жили обычные колхозники. Приходили эски в Чистюньку, к ним относились нормально» [3]. Вместе с тем, в отличие от официальной истории и публицистики, для респондентов-очевидцев акцентуация на политических мотивах не являлась значимой в отношении к происходящему ни в прошлом, ни в настоящем: «За что попали, не знаю. Политические, там не скажу точно, политические или что. Сталин убирал всех. Ну а как? Сталин! Вот таких вот политических, конечно, убирал. Какой рот разинул, так иди! Это все при Сталине было, Сталин был, командовал» [4].

Такая обыденность в отношении к репрессиям отражала традиционную погруженность сельского населения в производство и быт. Более значимыми по сравнению с политическими аргументами для них было то, что заключенные «сильно грамотны были, здесь в основном были агрономы, механики, инженеры...» А. А. Морозов вспоминал: «На нашем лагпункте... работали там очень грамотные люди. Сидели в лагерях очень грамотные. Врачи, артисты, ну, все возможные. Кто попадали, так те и были» [4]. Сочувствие вызывали в первую очередь те, кто пострадал по понятным для крестьян причинам — за падеж скота, за созревшее зерно, за кражу «гости зерна», «за невыход на колхозные

---

* Были и уголовники.

работы», а образ политического был для них из другого мира — чужой, хотя мог также вызывать сочувствие. Вот как респондент описывает детское восприятие «политического» как чужого: «А вот прям в кожаном пальто это. Вот, наверное, он какой-то был начальник большой. Так одетый... не по-тюремному. И так и кажется, сразу жалко его было. Вот за что его? Руки назад у него, там наручники. Что было? За что его повели в штаб? Ну это, скорее всего, политические. А наш-то брат колхозник» [5]. Маркировкой выступает кожаное пальто, которое ассоциируется у респондента с «начальниками».

Анализ материалов интервью показывает, что близость лагеря, как это ни парадоксально и кощунственно звучит, стала благоприятным фактором для местного населения. Это проявлялось в взаимовыгодном товарообмене между заключенными и сельскими жителями, в использовании социально-бытовой базы лагерных поселений, которые имели и пункты здравоохранения, и школы, и культурные учреждения, и творческие коллективы — клубы, оркестры и т. п. А главное, лагерные пункты имели профессиональные кадры из репрессированных работников образования, здравоохранения, театра и т. п.

Тот факт, что среди репрессированных и депортированных на Алтай людей был высок процент образованной интеллигенции из разных сфер науки, культуры и производства, до сих пор не оценен региональной историографией как фактор развития сельских территорий Алтайского края, хотя для сибирской деревни, социально-экономический уровень которой отставал от многих регионов СССР, наличие в разных волнах репрессированных, а в годы войны эвакуированных — врачей, учителей, актеров, певцов — способствовало развитию собственной социокультурной базы и ускоряло процессы модернизации сельского общества. Именно поэтому историческая память, «шокированная» необычным для деревни обликом и поведением этих людей, сохранила образы лагерной интеллигенции.

Ярким персонажем воспоминаний являлась врач больницы центрального отделения Наталья Алексеевна Сучилина*. З. И. Радионова

---

* Респондент точно называет фамилию. В Топчихинском районном музее в списке заключенных Чистюньского ОЛП Сиблага, умерших на центральном лагерном пункте и похороненных на лагерном кладбище в п. Кировский (по данным Топчихинского ЗАГС) (<https://museum.top-culture.ru/page/5>), и в списке людей, отбывавших наказание, можно найти многих, кого вспоминали респонденты, в том числе Наталью Алексеевну Сучилину: «Врач родом из Санкт-Петербурга. Заканчивала гинекологическое отделение Повивально-гинекологического института для бедных ведомства Императрицы Марии. Жена колчаковского полковника Ковалевского (родственник известного социал-демократа Ковалевского). В 30-е годы работала

рассказывает: «Вот была больница, там как бы для заключенных. Ну, все там лежали и вольнонаемные, и колхозники... Поморье, Солоновка была. Деревни вкруговую [были]. И все здесь лечились. И вот эта Сучилина — хирург, женщина. Она делала даже операции, не то что там, и желудком, ну, неплохо было. <...> Она была прям в зоне, лагерная она. Там [в больнице] и лежали даже колхозники. Вот заболит же [у сельских], даже радици [роды], вот, обязательно они сюда... Она [больница] вроде как лагерная. Ну, и таких всех [деревни обслуживала]. Вот Солоновка, Поморье, далее Крутое... лечились в этой больнице лагерной. И лагерные врачи были. Ну они тут сидели. Не знаю, за что только сидели. <...> Сучилина хирург была... лагерная... она врачаха. <...> Она тоже сидела, десять лет сидела. Кто говорит, она политическая была, кто говорит, она какую-то операцию сделала неправильно. Там что-то ее обвинили, дали ей десять лет. Она десять лет сидела. Ну, она не под конвоем. И тут [в центральном поселке лагеря] была больница и амбулатория... Прям вот как в поселке. <...> Мы всё бегали — чирик [чирей] какой-нибудь вскочит или что... Заключенная вот это Наталья Алексеевна, хирург, а она работала в этом...» [5].

Благодаря близости лагеря местные колхозники познакомились с духовым оркестром, оперным пением, сценичными танцами. Особенно запомнились сельским жителям оперные певцы, которые выступали под духовой оркестр: «...Вот эти, даже оперные. Вот ария [пели]... Гумбер и Рекис была. А они пели всегда под пианино, ария — вот, оперы, вот. Оперные певцы сидели. Они [остальные заключенные] уже спали, а их ведут. И они, тогда свободно у них время [после работы]... [или] там ужинают... А мы любили. Побежим! <...> Это дощатый [забор] был, ну все равно там... щелочки. У них духовой оркестр играет, они танцуют» [5].

Среди знаковых деталей респонденты называют то, что маркировало иную, не деревенскую жизнь — манеру поведения, костюмы, использование макияжа. В исторической памяти респондентов, бывших в те годы детьми, в силу экзотичности оперы для сельских жителей запомнили и самих артистов, и их выступления: «Вот эти почему-то му-

---

начальником райздрави и главным врачом районной больницы в г. Камень-на-Оби. Обвинена во вредительстве. В преднамеренном устранении представителей власти и их детей. Осуждена к 10 годам лагерей. В лагере работала врачом. После освобождения в 1948 г. возглавила лагерную больницу Чистюньского лагеря. После ликвидации лагеря работала главным врачом в больнице 2 ИТК в г. Барнауле (на месте современного магазина «Норд-Вест»). Умерла в глубокой старости, дослужившись до офицера МВД». <https://museum.top-culture.ru/spisok-lits-otby-vavshih-nakazanie-v-chistyun-skom-lagere-nkvd>.

Рис. 1. Экспозиция
Топчихинского крае-
ведческого музея.
Крайний справа —
С. В. Поздин.

зыканты, их под конвоем [доставляли]. И Рекис была, и Губерт. А они всё оперные певцы, вот этих водили под конвоем. Приведут, это, в клуб их, два конвоира. Ну, они одеты. Одеты они неплохо были* — и стеганки, и брюки такие ватные, и валенки серые, и шапки-ушанки, и рукавицы теплые. Всё на них было, как надо, не оборваны они. А в клубе там прям гримерка была. Мы любопытные были. А она не замыкалась. Ихние концертные костюмы висели. Вот приведут, а она старая-старая была, Рекис. Как старушка, ну семьдесят три года. Как оденет платье бархатное черное до полу, накрастается, всё это самое... прическу сделает, поет, ну как вот молодая. А тут Олег Кумберт, Гумберт... Ленинградский молодой мужчина. Ой, как наденет эту белую рубашечку — кто [перед нами]?! Бантик черный тут вместо галстука, костюм. Ну, как и выйдут! А она в бархатном платье черном! Как запоем! Пианино стояло на этом, клуб хороший был» [5].

* Большую работу, в том числе с использованием опросных технологий, проводит известный краевед С. В. Поздин, который создал в краеведческом музее Топчихи экспозицию, занимающую отдельную комнату: фото лагеря, его заключенных и сотрудников лагеря, схемы размещения объектов, которые ему удалось восстановить. К сожалению, в его исследованиях, так же как в целом в краеведческой работе, в отличие от устной истории, не придается значение научно-методическим принципам создания и оформления источниковового материала, полученного в ходе бесед и опросов.

Рис. 2. Заключенный Кениг Давид в бывшем бараке, разгороженном на квартиры после закрытия Чистюньлага. Топчихинский краеведческий музей.

Обязательными в лагере были концерты в наиболее значимые дни советской праздничной системы: «И на Седьмое ноября, и на Новый год концерты они ставят, духовой оркестр. Ой, сейчас таких инструментов здесь нету. Я помню такие были инструменты – ой-ой-ёй! Трубы только, ну в общем так это, до пятьдесят третьего года, Сталин-то умер в марте».

Народная молва, которая рождалась под впечатлением выступлений лагерных артистов, обростала разными мифами. Одним из них стало распространение слухов о певице Лидии Руслановой, которая якобы отбывала наказание в этих краях. Как и все случаи мифологизации тех или иных событий в коллективной исторической памяти, история о Лидии Руслановой базировалась на реальных фактах, которые обростали яркими слухами. Первый реальный факт состоял в неимоверной популярности певицы Лидии Руслановой в 1940-х гг.; она была более значимой фигурой по сравнению с малоизвестными оперными певцами. Второе обстоятельство было связано с самим фактом репрессирования Лидии Руслановой, весть о котором просачивалась в народную среду, порождая предположения. Третий факт был связан с реальным наличием репрессированных артистов в лагере, что и подогревало народную фантазию – почему бы и не великая Русланова! Однако те респонденты, которые детьми ходили в лагерный клуб на концерты, демонстрируют историческую память, базирующуюся на собственном опыте. Среди них З. И. Радионова, которая увлекалась творчеством лагерных актеров и оспаривала в интервью народную молву: «Я помню же! Как, ну вот тут сидела Русланова? Говорю – нет, Русланова тут не сидела. Я бы помнила, знала, мы же ходили на концерты. Рекис, но не Русланова. Русланова тут не сидела никогда в жизни...»

Рис. 3. Пасека В. М. Шроо на территории бывшего Чистюньлага. Поселок Топольный, Топчихинский район. Фото 2018 г.

Полевые исследования показали, что война усилила сельскохозяйственную производственную функцию лагерного пункта. В 1940–1950-е гг. среди направлений лагерного производства при доминировании хлебопашества успешно развивались свекловодство, овощеводство, садоводство. В материалах интервью содержится и фактический, и оценочный материал вклада заключенных в развитие местного производства: «И там же заключенные были, агрономы у них и вот это всё. Они же понимают, как, чтоб температура, чтоб не приморозить... Заключенные сидели всякие, всякие-всякие профессии были. <...> Ну, большие поля... были. Ну, пшеницу-то сеяли... Мелочь сажали-то, вот это, овощи-то, морковь, свеклу, картошку, наверное, вручную они копали. Тогда [в войну] не было вот этих вот машин-то. Ну их [заключенных] много было! Водили их на поле» [5]. Животноводческое хозяйство лагеря описывала М. И. Кадыкова (1929 г. р., с. Победим): «А в этой стороне уже там, на каком расстоянии, не знаю, свиноферма была. Коровник был на этой стороне... тут как заезжаете, прямо по правую сторону. А проходная как раз напротив сада. Как-то она даже на угол сада выходила. Сад вот так идет, а проходная как бы на угол...» [6].

Но прежде всего в исторической памяти респондентов опять же сохраняется та информация, которая удивляла своей необычностью для крестьянского опыта: «А тут уже, но если нам надо в этот лагерь-то, ну вот лагерь-то, всё здесь было, и вот пятое отделение, это была бригада – вот специально там сад выращивали: и малина, и облепиха и всякие эти яблочки. Это всё там заключенные [делали]. Всё, и вольные ходили так в сад, нарвем чего. А когда и так нарвем [тайком] – убежим куда-нибудь, из канавы [смотрим и едим] (смеется) [5].

Среди сформировавшихся оценок, которые местное население дает заключенным и лагерю в 1940–1950-е гг., доминирует устойчивое представление о более благополучном в сравнении с колхозами и совхозами положении как самих лагерных поселений, благодаря больницам, клубам, фермам и т. п., так и об обеспечении лагерных заключенных именно в эти годы. Эти оценки базируются на частых контактах и относительной открытости лагерей сельскохозяйственного назначения, в отличие от других лагпунктов строгого содержания. Как говорила З. И. Радионова, «ребятишками были [мы]. Неплохо было здесь при лагере, неплохо... Не знаю, может где там [в других местах], какие там были... <...> Тюрьма... Тут не было ничего подобного. <...> И всё заключенные работали. Но... неплохо им платили. Все равно что-то... Выходные были. Не знаю я такой страсти-мордасти» [5].

Многие оценки сформировались в ходе тесного общения местных сельских жителей и заключенных благодаря системе привлечения по-

следних на работы в соседние совхозы и колхозы. У взрослых и детей контакты с ними формировались во время сельхозработ, транспортного обслуживания и т. д. З. И Радионова вспоминала, что заключенные «работали и водовозами. И в школу [возили], здесь [Кировский] не было школы до четырех классов. В Поморье [была школа]. Нас заключенные возили — возчики, конюхами были. Сено заготавливали, и коров доили, и свиньи были. Всё-всё здесь было...» [5].

Для подтверждения благополучия заключенных по сравнению с колхозниками и совхозниками респонденты приводят много примеров помощи с их стороны сельским семьям, особенно детям. Например, в лагунке Топольного благодаря наличию собственной мельницы и пекарни, по воспоминанию А. А. Морозова, заключенные выручали его зерном: «Спасибо заключенным. Мы б померли, я про себя говорю. Мне было семь лет, и я утром поднимался. Мне школа не нужна была, я четыре класса окончил всего-навсего. И туда прихожу, там мельница была. Дробили, дробленкой свиней кормили. Прихожу, они меня перевяжут [рубашку] веревкой тут или ремнем, вот насыпят за пазуху, и я пошел в Крутое. В Крутом жили. И за пазуху пшеничку насыплешь, сечка называлась, ячмень дробленый. Ну, как каша настоящая [из них получается]. И я это приносил домой. И так я познакомился с ними, и они меня знали. И я им приносил молоко, мать подоит, два литра или три литра молока» [4].

Показательный сюжет о взаимопонимании «вольных», «вольнонаемных» и заключенных содержится в воспоминании Е. М. Колотилиной, чей отец работал в лагере. Во время смены ее отца с одной из заключенных произошел несчастный случай, в котором обвинили отца. Но все отбывающие наказание люди написали коллективное письмо в его защиту, хотя произошедший конфликт между отцом и заключенной был неоднозначным: «...Одна оказалась заключенная боевая, с чем-то не согласилась — и к отцу. Он же распределял [на работы]... Она к нему подскочила и что-то на него, как и с руками, и с кулаком. Он ее вот так вот от себя-то оттолкнул, она поскользнулась — и упала в эту канаву. То ли рядом стояли, ну, я не знаю этого, это разговор. Хоп, отца моего забрали, вот сюда привезли... он просидел здесь шесть, всю неделю, под надзором. И она написала жалобу. Кто-то подтвердил, что [он] ее избил. Ну, если бы коллективно не написали заключенные письмо. А надзиратели, кто тут стоял [подписи], писали письма, и каждого вызывали. [Они утверждали]: да не бил он ее, не трогал, он от себя ее только [оттолкнул], она сама с кулаками накинута. Вот когда уже коллективное письмо написали, ну, бригада там, или кто там присутствовал, только его выпустили» [2].

Таким образом, взгляд очевидцев, пропущенный через время, доносит свидетельства сформировавшейся вокруг лагунктов особенной атмосферы, влиявшей на жизнь сельского сообщества. С одной стороны, сложный состав лагерного сообщества, представленный и уголовниками, и творческой интеллигенцией, способствовал модернизации культурно-бытовых представлений. С другой стороны, сельские жители отмечали, что на фоне ослабленного раскулачиваниями 1930-х гг. и войной сельского общества материальное положение заключенных Чистюнькинского лагеря сельскохозяйственного назначения в 1940–1950-е гг. было лучше. Это касалось и развитой сети соцкультбыта, которая отсутствовала в селах колхозно-совхозного общества. Интересные наблюдения сельские респонденты сохранили о взаимоотношениях заключенных, которые в определенной степени базировались также на более развитой, по сравнению с перманентной нищетой колхозов и совхозов военного и послевоенного времени, производственной базе лагерной системы. Оценки сельчан, которые оказались сторонними наблюдателями, подтверждают и присущую им аполитичность. Несмотря на характерные для последних десятилетий непреходящий интерес к теме репрессий и обсуждение ее не только в научных изданиях, но и в СМИ, историческая память сельского населения и его оценки акцентируются на повседневных практиках, в отличие от устной истории других пунктов лагерной системы Сиблага, расположенных в северных территориях Западной Сибири. Одна из причин этого кроется в сельскохозяйственной специализации лагерных населенных пунктов в левобережной степной зоне Оби и изменениях, происходивших в лагерном режиме в рассматриваемые годы. Необходимо заметить, что в статье не затрагивается жизнь правобережных пунктов лагеря, где основные работы были связаны с лесоповалом, на котором в годы войны массово использовались депортированные. Для некоторых из них (калмыков) эта работа сопровождалась массовой гибелью в связи с отсутствием хозяйственно-культурного опыта [8].

T. K. Shcheglova

Chistyunskij incarceration camp of Siblag (Chistyunlag) in the years 1940–50: the myths and reality in the collective historical memory of rural population (based on the materials of Topchihinskoj historical-ethnographic expedition in the year 2018)

The article analyzes the historical memory about Chistyunskij incarceration camp of agricultural purpose on the basis of interviews given by respondents who were children from villages in neighborhood. The peculiar feature of such reminiscences is the comparison of incarceration camps and rural settlements; their social-cultural household basis. The interaction of collective-state farm communities and prisoner communities are analyzed. The issues of world outlook of rural population and the peculiarities of so-

cial-cultural development of rural population in Altai in the years 1940–50 are viewed through the children's perception of the world. **Keywords:** *Siblag, incarceration camp outpost of agricultural purpose, prisoners, historical memory, empirical experience, images, evaluations.*

Источники и литература

1. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2018 г.: Топчихинский район, п. Кировский. Аристова Г. А., 1940 г. р.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2018 г.: Топчихинский район, п. Кировский. Колотилина Е. М., 1935 г. р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2018 г.: Топчихинский район, с. Чистюнька. Колтырина А. С., 1937 г. р.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2018 г.: Топчихинский район, п. Кировский. Морозов А. А., 1936 г. р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2018 г.: Топчихинский район, п. Кировский. Радионова З. И., 1937 г. р.
6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2018 г.: Топчихинский район, п. Победим. Кадыкова М. И., 1929 г. р.
7. Государством призванные: сотрудникам уголовно-исполнительной системы Алтая посвящается / А. И. Кобелев, Н. Д. Потапов, А. С. Чернев, А. Т. Трусов. Барнаул, 1999. 363 с.
8. Щеглова Т. К. Антропология экстремальности: социальная и культурно-бытовая адаптация этнических депортантов (1939–1949 годы) и принимающего сельского общества на юге Западной Сибири в контексте принудительных переселений // Мир Большого Алтая-2019. Т. 5. № 2. С. 197–231.
9. Щеглова Т. К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции: моногр. Барнаул: АлтГПУ, 2018. 508 с.

Т. К. Щеглова, А. А. Гонне

Депортации и репрессии как фактор развития свекловодства в Алтайском крае на примере Чистюнькинского свеклосовхоза: по материалам историко-этнографической экспедиции (июль 2018 г.)*

В статье рассматриваются этнические депортации с позиции их влияния на экономическое развитие сельскохозяйственного производства Алтайского края с использованием устной истории как метода полевых исследований. В центре внимания находятся вопросы формирования свекловодства как самостоятельной от-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009. «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX — начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края» (рук. — д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова).

И. Г. Черляков

Повседневная жизнь спецпереселенцев в Турочакском и Чойском аймаках в 40–50-х гг. XX в. 328

И. В. Чернова

Культура жизнеобеспечения восточнославянского населения юга Западной Сибири конца XIX — XX вв. (по архивным и полевым материалам) . . 332

Т. К. Щеглова

Чистюньский лагерь (Чистюньлаг) в 1940–1950-е гг.: мифы и реальность в коллективной исторической памяти сельского населения (по материалам Топчихинской историко-этнографической экспедиции 2018 г). 340

Т. К. Щеглова, А. А. Гоппе

Депортации и репрессии как фактор развития свекловодства в Алтайском крае на примере Чистюнькинского свеклосовхоза: по материалам историко-этнографической экспедиции (июль 2018 г). 354

О. С. Щербакова

Народные песни из репертуара В. Г. Дороховой: по материалам фольклорной экспедиции в с. Усть-Козлуха Краснощековского района Алтайского края 368

Л. А. Явнова

Этническая и конфессиональная культура поляков Алтая в конце XX — начале XXI в. 376

Список сокращений 384